

Сергей Филатов: «Международные связи — это гарантия того, что в таком тонком, уязвимом в России вопросе, как права человека, мы не окажемся в одиночестве»

Сергей Александрович Филатов (родился 10 июля 1936 года в Москве) — российский государственный, политический и общественный деятель, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ. Окончил Московский энергетический институт, кандидат технических наук, Лауреат Государственной премии СССР. Работал на Московском металлургическом заводе «Серп и молот», на металлургическом заводе им. Хосе Марти на Кубе. Заведовал лабораторией, отделом систем управления во Всесоюзном научно-исследовательском и проектно-конструкторском институте металлургического машиностроения имени А.И. Целикова.

В 1990 году был избран народным депутатом РСФСР, членом Верховного Совета России, был членом Комитета Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, членом Комитета по вопросам экономической реформы и собственности. С января по ноябрь 1991 года — Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР. В августе 1991 года во время ГКЧП возглавлял депутатский штаб обороны Белого дома. С ноября 1991 года — первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, член Президиума Верховного Совета РСФСР. С апреля 1992 года — постоянный член Совета Безопасности Российской Федерации (по должности).

С 1993 по 1996 год был руководителем Администрации Президента Российской Федерации, а также председателем Экспертно-аналитического совета при Президенте РФ и председателем комиссии при Президенте РФ по государственным премиям в области литературы и искусства. В 2006 году стал председателем Экспертного совета Фонда «Внимание». Ныне возглавляет Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. Член Союза журналистов России. Председатель Союза писателей Москвы, сопредседатель Общественного научно-консультативного совета при ЦИК России (с 2010 по 2015 год). Имеет государственные награды.

Ред. Сергей Александрович, ваше соприкосновение со сферой прав человека началось в пору вашего депутатства в Верховном Совете РСФСР, верно? Вы ведь возглавляли, что называется, «смежный» комитет?

С.Ф. Да, я был членом Комитета Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Сразу отмечу, что попал туда случайно: нужно было побольше людей, чтобы это образование обрело статус Комитета и я, по просьбе коллег, согласился. Хотя я остро чувствовал, что на этом переломном этапе нужны были юристы и экономисты, а я ведь инженер, лишь несколько позже оказались востребованы мои качества системщика.

Тем не менее пошел я в этот Комитет с хорошим настроением на работу. Я понимал, что натворила советская власть в отношении Церкви. И первый же закон мы разрабатывали совместно с Комитетом по правам человека, который возглавлял Сергей Адамович Ковалёв. Об этом человеке могу говорить только в превосходных тонах: уникальная личность.

Ред. Вот и расскажите: для такого разговора об истоках Комиссии по правам человека мы и встретились.

С.Ф. На мой взгляд, Сергей Адамович был выдающейся фигурой не только в «гуманитарных» комитетах Верховного Совета, он вообще был самой значительной личностью среди тогдашних депутатов. До этого знамя борьбы за демократию держал гениальный ученый и принципиальный правозащитник Андрей Дмитриевич Сахаров. Ковалёв был его личным другом, соратником, и он после ухода Сахарова это знамя подхватил.

Господи, какими же неудобными для власти советского образца, да и новой тоже, были эти правозащитники! Ведь для советского чиновника его слово — истина в последней инстанции, а эти бывшие политзеки со многим не соглашались и были жутким раздражителем.

Документ

«В целом, решены правовые проблемы механизма действия Закона о реабилитации жертв политических репрессий — установлен порядок предоставления льгот и возврата незаконно отчужденного имущества или выплаты за него компенсации. На выплату компенсаций реабилитированным в федеральном бюджете на 1994 год были выделены соответствующие средства. Приняты акты о восстановлении справедливости в отношении репрессированных бывших военнопленных и репатриированных советских граждан, а также о мерах по реабилитации калмыцкого, балкарского, карачаевского, чеченского народов, казачества и о государственной поддержке их возрождения и развития.

Несколько более определенно обозначились меры по преодолению детской безнадзорности и сиротства, созданы первые специальные учреждения социальной реабилитации.

В течение 1994-1995 годов продолжался возврат имущества, культовых зданий и сооружений общинам верующих различных конфессий, что, несомненно, способствует восстановлению и обеспечению свободы совести и вероисповедания».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994-1995 годах»

Ред. То есть более высокого авторитета в правозащитной сфере не было, вы об этом очень убедительно сказали. К моменту назначения Сергея Адамовича на пост председателя Комиссии по правам человека при Президенте мы еще вернемся, а пока расскажите, пожалуйста, как борьба за демократию в России вылилась в борьбу президента Ельцина и лидера экономических реформ Гайдара со спикером Хасбулатовым.

С.Ф. Произошло это, прямо скажем, довольно быстро. В конце 1991 года верхушка Верховного Совета встретила с Борисом Николаевичем. Обсуждали пути реформ, со всем согласились, решили действовать совместно, а уже 13 января в Рязани, не все это тогда заметили, Хасбулатов очень резко выступил против реформ, еще толком не начавшихся.

Ред. Сергей Александрович, им все-таки двигали дьявольские амбиции или он не поверил в возможность продвижения к рынку как экономист?

С.Ф. Амбиции у него были очень крупные. Я подозреваю, он очень хотел, чтобы реформы шли под его личным руководством, он же преподавал на экономическом факультете МГУ, правда, специализировался на зарубежной экономике. Возможно, ревность была. Так или иначе, он стал последовательно выступать против реформ. А ситуация ведь какая была? Сумасшедший внешний и внутренний долг, нефть каждый день дешевеет, республики никакие союзные выплаты на себя не берут. Гайдара оправдывает только то, что двигаться надо было очень быстро, хотя, конечно, надо было что-то придумать, чтобы это движение не было таким мучительным для людей, многое нужно было объяснить. Вот Хасбулатов этим и воспользовался, за ним пошли руководители многих комитетов, некоторые национальные республики, а коммунисты просто возликовали.

Ред. Как вы покинули Верховный Совет?

С.Ф. Мы чувствовали, как накаляется атмосфера. Вместе с другими заместителями, настроенными на реформы, Шумейко и Яровым, встретились с президентом, говорили о том, что трудности нарастают. Хасбулатов узнал об этой встрече без его участия и начал от нас избавляться. Сначала он выпихнул в правительство Владимира Шумейко. Потом предложил уйти мне, на этот раз даже без обиняков. Я воспротивился, но Борис Николаевич сказал: уходите, он вам все равно работать не даст. Так я стал руководить Администрацией Президента, а потом Хасбулатов вытолкнул и Ярова. К тому времени Верховный Совет уже превратился в изрядный гадюшник.

Ред. Как повлияли на развитие событий результаты апрельского референдума 1993 года? Известно ведь, что даже сами демократы тогда были приятно удивлены.

С.Ф. Да в том-то и дело, что результаты эти были ожидаемы, но практически не использованы! Хотя они наглядно показали, что настроения всесильного (по тогдашней Конституции) Съезда народных депутатов совершенно не соответствуют реальным настроениям общества. Надо было тогда же, на той волне, идти на досрочные выборы нового парламента. Это не было сделано, и в итоге мы поплатились жертвами октября 1993-го.

Ред. Вот теперь, пожалуйста, расскажите об Указе № 1458 от 26 сентября 1993 года «О Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» и о появлении этой Комиссии.

С.Ф. Этот Указ появился в череде актов (о создании Совета Федерации, о выборах в Государственную Думу, о Конституционном совещании), изданных после главного Указа № 1400 от 21 сентября о роспуске Верховного Совета, который, как и ожидалось, резко обострил ситуацию. Были и акты социальной правозащиты — мы подумали о трудоустройстве 250 депутатов. Что же касается Комиссии по правам человека, то необходимость ее как органа приема жалоб, локатора недовольства была очевидна — еще не было ответственного только перед обществом омбудсмена.

В то время были заложены основы нашего будущего вхождения в ПАСЕ, в Европейский суд по правам человека. Такой стране, как наша, нельзя оставаться без критики, наша судебная система по сей день функционирует чертовски плохо, очень зависима от власти. А что касается кандидатуры председателя, то я с легкой душой предложил Борису Николаевичу кандидатуру Ковалёва, хотя понимал, что любви между ними быть не может: один очень властный, другой — непреклонный.

Ред. На посту руководителя Администрации Президента вы реагировали на его протесты осенью 1993-го, когда в отношении подлинных и мнимых мятежников имел место произвол?

С.Ф. Да, неоднократно. В Вологде, по-моему, был случай: человека по старой доброй традиции закинули в психушку. Он сумел бросить из окна записку, и я тут же подключил к этому генпрокурора Валентина Степанкова. Беззаконие пресекли. Сергей Адамович и дальше не оставлял меня своим вниманием: то лично обращался, то просил меня позвонить соответствующим министрам. Я бывал очень рад, когда мне удавалось его просьбы удовлетворить.

И еще я доволен, что именно он и его команда писали раздел о правах человека в новой Конституции. Он бывал на всех заседаниях рабочей группы, и я был спокоен, когда рассматривали другие статьи Конституции. Он не упускал возможности вмешаться в дефектный с точки зрения защиты прав человека текст статьи. Ведь когда Сергей Адамович говорит, долго говорит, он может показаться занудой, а читаешь документ внимательно и видишь: насколько же все продумано на несколько ходов, как в каждой статье расставлены рогаки против злоупотреблений!

Ред. Чечня вас не развела?

С.Ф. Моя позиция была не так уж далека от Ковалёвской. Мой взвешенный проект Указа по Чечне Борис Николаевич не принял, прислушался к министру внутренних дел Ерину. Я помню, как огорчился тогда, поехал к Елене Георгиевне Боннэр поделиться тревогой: война надвигается. Что предпринять, я не знал, но помог устроить встречу Ковалёва с президентом. У них состоялся долгий и безрезультатный разговор, Сергей Адамович вернулся очень расстроенным, мы долго и тяжело молчали. Кстати, почву для разрешения конфликта в свое время испортил тот же

Хасбулатов. Ему в начале 90-х еще доверяли, считали, что он знает Кавказ, знает свой народ, а он запретил всякие контакты представителей федеральной власти с теми, кто уже реально был властью в Чечне, Дудаева грозил привезти в Москву в железной клетке. Сами можете представить, как гордые горцы любят такие реплики.

А что касается правозащитной сферы, то эскалация войны в Чечне зачеркнула многое, в частности Договор об общественном согласии. Она поляризовала общество; помню, как поэт Юрий Левитанский не хотел ехать в Кремль, чтобы получить заслуженную награду. На Ковалёва посыпался град обвинений за пребывание в Грозном в подвале президентского дворца. А он, не сомневаюсь, был искренен, считал, возможно, как Микоян в свое время на Кубе: пока я здесь, не будут бомбить, будет меньше жертв. Уход его с постов председателя Комиссии и омбудсмена был абсолютно закономерен.

Ред. Вы продолжали следить за положением дел в правозащитной сфере?

С.Ф. Несомненно. По-моему, хорошо, равнодушно работала Элла Памфилова. И очень удивил Олег Миронов. Сначала его назначение напугало: какой из чиновника-коммуниста омбудсмен?! Нас в ПАСЕ не принимали по двум причинам: война в Чечне и огромное несоответствие судебной системы, уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а также условий содержания осужденных в пенитенциарной системе, европейским стандартам.

Мы тогда вместе с Государственно-правовым управлением Президента подготовили текст обязательств РФ о совершенствовании этих систем, подписали у президента, председателя правительства и председателей палат Федерального собрания, и я отвез эти обязательства в Страсбург. Учитывая особое положение России, во время перерыва в военных действиях в Чечне нас приняли в ПАСЕ. А ведь именно Миронов говорил в ПАСЕ, что мы будем строить соответствующие европейским нормативам тюрьмы, здания судов — и нас приняли в ПАСЕ и Европейский суд по правам человека, по сути, авансом. Миронов контролировал выполнение Россией обязательств, каждый год отчитывался.

Подчеркну еще раз: то, что мы находимся под международным правовым контролем, — это хорошо. Международные связи — это гарантия того, что в таком тонком, уязвимом в России вопросе, как права человека, мы не окажемся в одиночестве. Надо только научиться правильно реагировать на решения Европейского суда по правам человека и на обсуждения в ПАСЕ.

Пренебрежение правом в России существовало всегда. У нас, увы, это в крови. Но действующая Конституция, закрепив приоритет международного права, сделала возможным наше присоединение к Совету Европы и участие в работе его важнейших структур — Парламентской ассамблеи (ПАСЕ) и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Знаю, что для многих из тех, кто сегодня находится во власти, Совет Европы является настоящим бельмом

в глазу. Однако, как мне рассказывали, Путин на одном из совещаний жестко заявил, чтобы никто не смел и думать о выходе из международных организаций. И это вселяет определенную надежду.

